

СОЦИОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

НАУКА О КУЛЬТУРЕ: ПОДДЕРЖКА ИЛИ ЗАБВЕНИЕ?

*В.Л. Кургузов, д-р культурологии
ВСГУТУ, Улан-Удэ*

В статье рассматриваются проблемы функционирования системы культурологического образования в современной России и негативные тенденции реформирования системы образования в стране.

Ключевые слова: культура, культурология, образование, наука, общество, реформы.

Как известно, 2014 год объявлен в России Годом культуры. Это решение с большим энтузиазмом поддержано не только работниками культуры страны, известными деятелями искусства, но и широкими массами наших сограждан. Вместе с тем со стороны ученых-культурологов, профессиональные интересы которых связаны с разработкой идеологии культурологического познания, проявляется озабоченность той негативной ситуацией, которая сложилась сегодня в отечественных гуманитарных науках. Причины такой озабоченности, к сожалению, немало. Но главная из них – это далеко не однозначные векторы реформирования сферы образования и науки, проводимого в последние годы в нашей стране, процессы реорганизации научно-исследовательских институтов Министерства культуры РФ и ничем не оправданное свертывание системы культурологического образования в вузах.

Судьба подарила автору этих строк возможность стать одним из первых в России и первым в восточных районах страны доктором самой молодой гуманитарной науки современности – культурологии. Стать тогда, когда неприятие культурологии в научных кругах, в среде историков, литературоведов и особенно философов, казалось, достигло своего апогея, а для тех, кто закончил вузы до 80-х годов, даже название дисцип-

лины «культурология» было неведомо. Ничего необычного в этом нет. Не знали ведь когда-то таких наук, как генетика, кибернетика и пр. Времена меняются. И сегодня особая роль культуры становится все более очевидной.

В мировом масштабе, например, на первое место сегодня вышел диалог культур, без которого немыслимы ни современная экономика, ни политика, ни международная безопасность в целом. Под напором миграции происходит внутреннее перерождение культур США, Европы, стран бывшего Советского Союза. Под воздействием Интернета, других средств массовой коммуникации быстрыми темпами идет процесс глобализации культур, который уже приводит к далеко не однозначным последствиям. Все это наглядно высвечивает важность специального и глубокого изучения культуры – значимость науки культурологии. Для судьбы России это актуально вдвойне, ибо наша страна многонациональная, а стало быть, поликультурная. Но без изучения и всемерной поддержки национальных культур ни о какой монолитности государства, сплоченности его народов и говорить не приходится.

На моих глазах и с моим посильным участием произошло становление культурологии в вузах не только Бурятии, но и Восточной Сибири в целом. Я горжусь тем, что ра-

ботаю в ВСГУТУ, кафедра истории и теории культуры которого была открыта одной из первых в СССР, еще в 1987 году. За сравнительно короткий срок нам удалось открыть в Бурятии первый на востоке страны совет по защите сначала кандидатских, а затем и докторских диссертаций. И это стало существенным вкладом в развитие культурологической науки в регионе Сибири и Дальнего Востока, расширение базы культурологического образования в регионе.

Во ВСГАКИ и ВСГУТУ были открыты аспирантура, а затем в академии культуры появилась и докторантура по двум культурологическим специальностям – теории и истории культуры и культурологическому музееведению. Эти акции открыли широкую дорогу для подготовки ученых-культурологов не только со всех уголков нашей страны, но и из-за рубежа. За 12 лет существования наших диссертационных советов было подготовлено около 70 кандидатов культурологии из Омска и Читы, Якутска и Иркутска, Абакана и Кызыла, Красноярска и Улан-Удэ, Китая, Монголии и Боснии. Первым доктором культурологии, защитившим свою диссертацию в Бурятии, стал мой бывший аспирант, а затем и докторант А.Ф. Поляков.

Вообще, с середины 90-х годов прошлого века в России наблюдался настоящий «бум культурологии». В вузах страны появились кафедры и факультеты культурологии, начали издаваться десятки культурологических научных журналов, стали проводиться многочисленные культурологические конгрессы, симпозиумы и конференции, создавались культурологические общественные организации, книжный рынок был заполнен учебной и научной литературой.

Следует особо подчеркнуть, что еще лет 5-7 назад многие деканы факультетов и заведующие выпускающими кафедрами с большой активностью включали предметы культурологического цикла в программы подготовки специалистов не только гуманитарного, но и технического профиля.

К сожалению, все это в прошлом. Под воздействием сомнительных реформ культурология сегодня становится падчерицей для многих учебных заведений страны. Недавно один мой коллега, профессор из Нижневартковского госуниверситета, города,

который буквально купается в нефтедолларах, сообщил, что у них сократили не только кафедру культурологии, но и культурологическое направление вообще. Логика последствий здесь такова: не включили культурологию в план подготовки специалиста – произошло сокращение учебной нагрузки. Нет учебной нагрузки – неминуемо сокращение кадров преподавателей культурологии. Сократили преподавателей – ликвидировали кафедру. Таков неумолимый алгоритм псевдореформирования российской высшей школы. На кафедре культурологии и социокультурной антропологии, которую я возглавляю, например, еще семь лет назад работали 15 преподавателей, а сегодня осталось восемь, четыре из которых являются докторами и четыре – кандидатами наук. Сокращать и далее такой кадровый потенциал было бы непростительно. Но, увы, угроза такая сохраняется, и никто из нас не знает, какова у нас будет учебная нагрузка в будущем учебном году. Иными словами, уверенности в завтрашнем дне сегодня у культурологов нет.

Министерство образования России, региональные органы образования на местах стали относиться к культурологии так же, как государство относится к культуре вообще, т. е. по остаточному принципу. Так, например, в Сибирском федеральном университете Красноярска, в организацию которого государство ввалило кучу денег и который должен быть примером образовательной практики для других учебных заведений региона, в связи с переходом на образовательные стандарты III поколения нагрузка по культурологии сократилась в два раза. Результатом таких «гримас» в псевдоинновациях стало то, что среди преподавателей, например, Архитектурно-художественной академии этого вуза, хотя и имеются пять кандидатов культурологии, но все они преподают... английский язык, но не культурологию. Нет учебной нагрузки по этой дисциплине.

В Красноярском государственном педагогическом и аграрном университетах кафедры культурологии расформированы, учебная нагрузка по культурологии сократилась вдвое. Исчезла культурология как предмет и из программ филиалов государственных ву-

зов. В коммерческих же вузах кафедр культурологии не было и нет до сих пор.

В Забайкальском государственном университете Читы кафедры культурологии хотя и не было, но была кафедра философии, теории и истории культуры. Эта кафедра пока еще ведет подготовку по специальности «Культурология» (2-4 места в год), но только на коммерческой основе (60 тысяч рублей). Вот и решают родители, куда отдать лучше эту сумму – на культурологию или на юриспруденцию и экономику.

В Иркутском госуниверситете на факультете сервиса и рекламы есть кафедра психологии и культурологии, однако специалистов-культурологов здесь нет. Из шести сотрудников этой кафедры три психолога, два философа и один преподаватель, не имеющий научной степени. При таком раскладе нетрудно догадаться об уровне подготовки студентов по предметам культурологического цикла. Показательно отношение к культурологии в Восточно-Сибирской академии образования Иркутска. Специалистов-культурологов здесь нет. Учебная нагрузка по предмету культурологии падает. Сама культурология имеет статус «Дисциплина по выбору».

Не лучшим образом обстоят дела и в коммерческих учебных заведениях. Так, например, при Сибирской академии права, экономики и управления Иркутска создана кафедра теоретической и прикладной культурологии, однако специалистов-культурологов до последнего времени здесь не было вообще. Сегодня здесь работает лишь один специалист-культуролог, приглашенный на работу из Улан-Удэ.

Несколько в лучшем положении находится преподавание культурологии в ИрГТУ. Здесь, несмотря на технический профиль этого вуза, культурология читается для студентов всех специальностей, и учебная нагрузка по этой специальности не сокращается уже с 2005 года. Стоит только порадоваться тому, что курс культурологии стабильно сохранил свои позиции и в Братском государственном университете. К сожалению, в числе преподавателей культурологии этого вуза нет профессиональных культурологов, и как председатель диссертационного совета могу засвидетельствовать,

что пока еще не было и попыток представителей этого вуза защитить свои кандидатские или докторские диссертации по культурологии в нашем совете.

До последнего времени наиболее благоприятная обстановка с культурологическим образованием была у нас, в Бурятии. Более полувека назад мы сумели открыть в Улан-Удэ Восточно-Сибирский государственный институт культуры (ныне Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств), что способствовало созданию наиболее благоприятной ситуации с кадрами работников культуры, профессиональными культурологами в том числе. Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, что основная масса специалистов, защитивших свои диссертации по культурологии в нашем совете – жители Бурятии. Однако не замечать негативных тенденций в процессе культурологического образования, наблюдаемых в последние годы в Республике, было бы неправильно.

Из всех государственных и коммерческих вузов, расположенных на территории Бурятии, кафедры культурологии до последнего времени были только в ВСГУТУ, ВСГАКИ и БГУ. Однако, если в сельскохозяйственной академии и в филиалах центральных вузов России в Бурятии таких структурных подразделений не было никогда и нет до сих пор, то ликвидация кафедры культурологии в Бурятском госуниверситете вызывает, мягко говоря, недоумение. Кафедра была. Успешно работала, и вдруг в одночасье исчезла... Видимо, руководство этого учебного заведения, которое уже десятки лет готовит кадры для системы образования, посчитало процесс познания культуры будущими учителями делом второстепенным. Здесь как-то подзабыли, что образование – это важнейший канал культуры. И почему, собственно говоря, будущий учитель, извечный пропагандист культуры на просторах России, должен быть обделен познанием ее «тайн»? Ведь только по «сосудам» образования и растекается «кровь» культуры, от сердца до мозга человека. А если этот сосуд забит тромбами равнодушия и невежества, то такая пустая «трубка» никому не нужна.

Но это еще «цветочки», далеко не все «достижения» на фронте борьбы с культу-

рологией. Буквально в последние дни было принято решение о ликвидации как самостоятельной структурной единицы кафедры культурологии даже во ВСГАКИ – профильном учебном заведении культуры и искусств. Руководство этого вуза решило объединить кафедры культурологии и философии. Кто будет играть «первую скрипку» в этом дуэте – ясно, как божий день, – вовсе не культурологи.

Мои недоумения при этом вызваны вполне искренним непониманием того, почему, например, выпускнику любого вуза нужны, как воздух, обширные фундаментальные знания в области наук о природе – физике, химии, ботанике, зоологии, географии, природоведении и пр. Ответ прост: потому что Природа – одна из важнейших форм бытия человека. Хочешь выжить – изучай природу, ее законы. Этот довод все разумные люди, включая и реформаторов сферы управления образованием, более или менее понимают. Почему же они не понимают того, что человечество, оставшись один на один с природой, без продуктов культуры (одежды, жилищ, средств защиты, инструментов и приспособлений, духовных ценностей, науки, искусства, религии, других артефактов и артеактов культуры), вымрет тоже в считанные минуты? Пусть попробуют наши инноваторы от образования посидеть в чем мать родила (вне культуры) на нашем сибирском морозе. Спасет их в этом случае природа, если они, в отличие от животных, лишены даже шерстяного покрова? Нет, их спасет культура! Ведь у них есть жилища и одежда, рожденные плодом человеческого воображения, которое в свою очередь является главным стержнем любой культуры, ибо, начиная от швейной иглки и кончая баллистической ракетой, жилищем, симфонией или романом, все рождено с помощью дара воображения. И вот эту *важнейшую форму бытия* человека, про которую говорят, что Природа – еще не культура, а Культура – уже не Природа, современные псевдореформаторы образования и науки начинают бездумно игнорировать, выдавливать из учебных планов и программ подготовки специалистов.

Причем, «выдавливание» производится не напрямую, а по-иезуитски, косвенно. Ко-

му же охота прослыть отпетым ортодоксом? Это надо делать тонко и деликатно. Сначала реформаторы придумали образовательные стандарты. В них определили обязательный перечень дисциплин для студентов вуза: философия, история, иностранный язык и физкультура. О корректности и целесообразности такого подхода и говорить не стоит. Боюсь, что в оправдание такого подбора вряд ли кто-то найдет однозначные аргументы. А галактика всех других дисциплин, включенных в программы подготовки специалистов, отдана на откуп выпускающим кафедрам и факультетам.

Риторический, пусть даже абсурдный, но вполне уместный вопрос: какие дисциплины поставил бы я, ученый-культуролог, в план подготовки специалиста, окажись, по недоразумению, заведующим кафедрой, например, металлургии? Конечно же, специальные, относящиеся, в первую очередь, к металлургической отрасли, хотя я в ней и полный дилетант. Однако культурологию при этом ввел бы обязательно, потому что я профессиональный культуролог и хорошо понимаю, что будущий инженер будет руководить не гайками и болтами, а теми, кто их крутит.

А какие дисциплины введет в учебный план металлург-профессионал? Конечно, свои, родные и близкие. Культурология же, если и попадет по недоразумению в программу, то, в лучшем случае, по остаточному принципу. Причем, никто не имеет право изменить этот дилетантский в культурологическом смысле выбор. Метод принуждения здесь не работает, а метод убеждения не всегда эффективен, ибо у абсолютного большинства людей, работников специальных кафедр (особенно технических) под культурой принято понимать нечто второстепенное, в основном, все то, что радует глаз и ухо, т. е. искусство. И только грамотный культуролог скажет, что искусство – лишь миллионная часть культуры.

При этом самокритично надо признать, что и сами вузовские культурологи, хорошо понимая, что типов культур – галактика (есть культура техническая и производственная, правовая и политическая, экономическая и деловая, духовная, гуманитарная, нравственная, эстетическая, бытовая, тради-

ционная, народная, культура речи, культура здоровья и т. д. и т. п.), пока что не торопятся предлагать этот «букет» культурологических дисциплин специальным кафедрам. Что – у нас все в порядке, например, с культурой производства или быта? Но преподавание культуры производства или топоса (быта) я пока что не встречал ни в одном вузе России.

Кто-нибудь задумался в Министерстве образования России о том, что, по большому счету, даже всем нам знакомая физкультура, определенная в качестве обязательной дисциплины для всех студентов вузов, со всеми потрохами дисциплина культурологическая, так как ее единственное предназначение – внедрять в массы культуру здоровья и культуру собственного тела. При этом не понимаю, почему игра на скрипке – это культура, а игра в шахматы – нет? Однако сегодня такие рассуждения – область абстракции.

В большей мере только мы – ученые-культурологи России виноваты в том, что до сих пор не сумели создать более-менее приемлемого учебника по культурологии как для начальной, так и для средней школы. Между тем, культурологический всеобщий должен начинаться в школе. Именно здесь молодое поколение страны должно познать азы своей национальной культуры, раскрыть для себя сокровища мирового культурного наследия.

Проблемным вопросом остается отношение к культурологии муниципальных органов. Я бы охарактеризовал его одним словом: *равнодушие*. Единственное исключение, может быть, составляет лишь весьма дальновидная инициатива администрации Санкт-Петербурга, которая совместно с РГПУ им. А.И. Герцена организовала систему повышения квалификации директоров и завучей школ города по программе «Культурологические стратегии развития общеобразовательных школ» *за счет средств бюджета* Санкт-Петербурга. Последовательей этого почина пока что нет. А жаль...

Для меня стало вполне очевидно, что если культурологическое образование еще пользуется тонкой-тонкой, почти незаметной поддержкой Министерства науки и образования, то культурологической науке на

такую поддержку рассчитывать не приходится. Я, например, опубликовал полтора десятка монографий и более двухсот статей, содержание которых относится к культуре и важнейшему ее каналу – образованию, но не обнаружил ни малейшего внимания к этим трудам со стороны органов образования и культуры как федерального, так и регионального уровня. Странно, но эти книги чаще всего просят выслать культурологи из других регионов России и из-за рубежа.

Характерно еще и то, что культурологическую науку, слава богу, не запрещают, но и не стимулируют ее развитие, что наглядно подтверждается значительным сокращением числа диссертационных советов в стране. Еще более поразительно, что Министерство культуры России и его органы на местах, используя культурологическое знание для обеспечения своих отраслевых нужд, не проявляют никакого интереса к углублению этого знания и возрастанию его фундаментальности.

За 12 лет существования нашего диссертационного совета я не видел ни одного представителя Министерства культуры Бурятии на его заседаниях. Я не встречал со стороны работников этого ведомства никакого интереса к теоретическим разработкам тех или иных проблем культуры, к диссертациям, выполненным на материалах нашего полиэтничного региона, в том числе и Бурятии. Примечательно, что ни один работник Министерства культуры Бурятии за все эти годы даже не пытался поступать в заочную аспирантуру по культурологии и защитить по итогам учебы диссертацию, а вот несколько работников Иркутского управления культуры являются сегодня аспирантами-заочниками, докторантами и соискателями научных степеней в области культурологии во ВСГАКИ и ВСГУТУ. И это хорошо. Я, например, не могу себе представить практического работника аграрного, промышленного, других секторов экономики вне контактов с наукой, а работника культуры уже, к сожалению, могу.

Сегодня абсолютное большинство культурологов работает в вузах. Казалось бы, именно здесь и должна развиваться наука. Но, к сожалению, специфика организации учебного процесса в отечественной вузов-

ской традиции не обеспечивает университетской культурологии серьезных перспектив развития. Все дело в том, что задачи образования требуют, как справедливо делает вывод А.Я. Флиер, прежде всего, яркой интерпретации и уплотнения устоявшегося знания, а не введения в учебный процесс дискуссионного нового. Кроме того, уровень учебно-методической и организационной загруженности преподавателей оставляет им очень мало времени и сил на научную работу. Вместе с тем я убежден, что университетская культурология сегодня чрезвычайно важна как сфера сохранения научного знания о культуре, но, к сожалению, пока что не является естественным пространством его продуктивного развития. Между тем ситуация, складывающаяся в гуманитарном знании, требует активизации именно фундаментальных исследований проблем культуры, обеспечивающих адекватное понимание

системообразующей роли культуры в социальной жизни общества.

В заключение следует, наверное, согласиться с мнением российских ученых-культурологов – участников недавно прошедших в Санкт-Петербурге VII Собрания научно-образовательного культурологического общества РФ и IV Российского культурологического конгресса, в числе которых был и автор статьи, в том, что пока еще, к счастью, нет оснований говорить об институциональном кризисе культурологической науки. Однако реально имеет место серьезное усложнение условий ее существования и функционирования, что требует определенной активизации и корректировки в организации научно-исследовательской работы, в том числе и со стороны преподавателей культурологии высшей школы.

УДК 008:613

ФИЛОСОФИЯ ЗДОРОВЬЯ, ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

*В.Л. Кургузов, д-р культурологии
ВСГУТУ, Улан-Удэ*

В статье анализируются теоретико-методологические проблемы смысла актуальнейших для нашего времени научных категорий: философии здоровья, гуманитарной культуры и важнейшего канала их трансляции – системы образования.

Ключевые слова: человек, природа, культура, общество, здоровье, образование, устойчивое развитие.

Если человечество все же станет на путь интенсивного, последовательного устойчивого развития ноосферной ориентации, то, по моему глубокому убеждению, произойдет это не по воле ученых, призывающих к построению гармоничного мира, а будет продиктовано жесткой необходимостью, которую фатально осознают все. Именно ощущение дыхания надвигающейся духовной и экологической катастрофы заставит сделать первые шаги в направлении ноосферного будущего. Грядущая эпоха риска

и необходимости самосохранения человечества явится реактором глубинных, эволюционных преобразований, пронизывающих все сферы жизнедеятельности общества.

Вместе с тем, последовательное и безопасное развитие представляется все же, как управляемый, научно обоснованный организационный процесс, который имеет свою траекторию целевых состояний, ведущую к новому ноосферному состоянию цивилизации, позволяющему в полной мере раскрыться сущностным интересам человека.